

Лестер Самралл

История жизни
**ЛЕСТЕРА
САМРАЛЛА**

*рассказанная
Тиму Дадли*

Санкт-Петербург
2011

Originally published in English under the title:

THE LIFE STORY OF LESTER SUMRALL

by Lester Sumrall

Copyright © 1993 by LeSea, Inc.

Printed in USA by New Leaf Press, Inc.

P.O. Box 311, Green Forest, AR 72638.

ISBN 0-89221-229-2

Самралл Л.

История жизни Лестера Самралла / Пер. с англ. —

СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2011. — 256 с., ил.

ISBN 978-5-8445-0053-4

© Издание на русском языке.

Издательство «Библейский взгляд», 2001

Все права защищены международным законодательством
об авторских правах.

Ответственный редактор *А. И. Шапошников*

Переводчик *Р. Б. Шемпель*

Редакторы: *В. С. Волкова, Л. Б. Егорова*

Корректоры: *Д. Г. Вдовин, Н. А. Акинина*

Компьютерная верстка: *А. Б. Кодак*

Подписано к печати 06.01.2011. Формат 60×88^{1/16}.

Печать офсетная. Объем 16 печ. л. + 2 печ. л. вклейка.

Тираж 2000 экз. Заказ

Местная Религиозная Организация Христиан

Веры Евангельской Пятидесятников «Христианская Миссия»

198188, Санкт-Петербург, ул. Подводника Кузьмина, д. 46

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции

ОК 005-93. Код ОКП 953140

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие издателя	7
1. Битва за мое сердце	9
2. Как я впервые услышал голос Бога	16
3. Из чрева кита	27
4. Маленький проповедник	39
5. Мои руки в крови	53
6. Рукоположенный Богом	60
7. Пробуждение с перестрелкой	69
8. Так где же этот Ховард Картер?	79
9. Деликатный британец	96
10. Знакомство с демонами	108
11. Бандиты и исцеление в Тибете.	119
12. Противостояние силам тьмы.	128
13. В разных направлениях	135
14. Роман на расстоянии	143
15. Куда мне теперь идти?	154
16. «Плод твой должен пребывать»	163
17. Время по-филиппински	175
18. Измученная демонами	187
19. Чудо, изменившее целую нацию	199
20. Идти вперед с видением	209
21. Работа в команде	221
22. Видение в Иерусалиме	229
23. Посреди всех чудес	238
24. Вы хотите проявить послушание?	246

Посвящение

Клиффу Дадли, основателю и исполнительному директору издательского дома «New Leaf Press».

Бог заговорил к нему, и Клифф после личной встречи со мной стал собирать материал для этой книги.

Тим Дадли, президент издательства «New Leaf Press», после смерти своего отца продолжил дело, начатое им, и завершил мою биографию.

Выражаю благодарность всей семье Дадли. Спасибо вам за ваш труд любви, и да благословит вас Бог.

Лестер Самралл

Предисловие издателя

Во время работы над книгой я часто слышал, как брат Самралл подчеркивал, что за все шестьдесят три года своего служения он никогда не выходил из воли Божьей. Он не хвалился, он просто констатировал факт. Вся история его служения свидетельствует о его послушании Святому Духу и призыву в своей жизни.

В Послании к Римлянам сказано, что непослушанием одного человека многие стали грешными, но послушанием одного многие сделались праведными.

Один человек, повинующийся Богу, может привести тысячи людей ко Христу. Послушание — мощная сила, и пример жизни Лестера Самралла подтверждает эффективность повиновения. За все годы жизни этого человека его послушание так или иначе повлияло на жизнь миллионов людей.

Мы считаем большой честью и привилегией опубликовать историю жизни Лестера Самралла. Я молюсь о том, чтобы по прочтении этой книги у вас появилось еще большее желание последовать призыву в вашей жизни по примеру Лестера Самралла.

Тим Дадли, издатель

1

Битва за мое сердце

Еще до моего рождения мать решила, что я буду проповедником. Она страстно молилась за меня, когда носила меня в своем чреве, а я ничего не мог с этим поделать, разве что немножко попинаться!

Мама обрела спасение в подростковом возрасте во время палаточного пробуждения, а позже была крещена Святым Духом. Она твердо решила стать миссионеркой, но обстоятельства изменились, когда ее сестра умерла, оставив на руках овдовевшего мужа трех малышек. Понимая, что за племянницей и племянниками нужен уход, моя мама жертвенно согласилась переехать к ним в дом.

Однако ее овдовевший зять тут же настроился жениться на ней, на сестре своей покойной жены. Он сделал вид, что уверовал во Христа. Моя мать, поверив, что он любит ее и Иисуса Христа, вышла за него замуж, отказавшись от давнишней своей мечты стать миссионеркой.

Вскоре назрел конфликт. Моя мама много времени уделяла изучению Библии и служению в женской молитвенной группе. Мой отец, однако, постоянно попрекал ее за тихую преданность Господу

Он, конечно же, ходил в церковь. Семьдесят пять лет назад все ходили в церковь. Но за воскресным обедом он выражал свое недовольство и критиковал пастора и его

проповеди. Несмотря на то, что из недели в неделю он слышал о мучениях грешников в адском озере из пламени и серы, он продолжал курить, пить, жевать табак и вести грешную жизнь.

Я родился дома и был шестым, абсолютно внеплановым ребенком. Мой отец, решив остановиться на пятерых, всегда считал мое появление на свет нелепым недоразумением. Однажды он резко сказал мне следующее: «Тебя вообще не должно было быть».

Мои братья по отцу Хьюстон и Керни и сестра по отцу Анна, родные брат и сестра Эрнст и Луиза были намного старше меня. Сестра Леона, седьмой по счету ребенок, родилась через несколько лет после того, как мы переехали обратно в Лорел, штат Миссисипи. Там отец нашел работу в паровозном депо.

Целыми днями он работал с пышущей жаром сталью, бил молотом по раскаленному металлу на железной наковальне в пышущей жаром кузнице. Для человека, занимавшегося физическим трудом, он зарабатывал хорошие деньги, и, насколько я помню, у нас всегда была машина. Более того, много лет мы были единственной семьей в нашем квартале, у кого была своя машина.

У отца были мощные мускулы и командный голос, и в моих глазах он был великаном. В драке ему хватало одного удара, чтобы сбить соперника с ног. Как-то раз я видел, как он поднял одной рукой взрослого человека вместе со стулом, на котором тот сидел.

Когда он впервые повел меня стричься, парикмахер усадил меня на маленький стульчик и обернул простыней. Затем он спросил меня: «Ну, сынок, как тебя подстричь?»

Я посмотрел на него и сказал гордым и уверенным голосом: «Как папу». Мужчины в парикмахерской расхохотались.

Я смутился, но что мне было делать? Я очень хотел быть похожим на отца.

Когда папа шлепал меня, из глаз моих искры сыпались, но это случилось всего раза два или три. Чаще он кричал на меня. В общем, он не обижал меня, просто казался холодным, требовательным и даже иногда придиричивым.

В играх я был маленькой копией своего отца. Я перемалывался с каждым мальчиком в своей округе и даже, хотя и с некоторыми потерями, с ребятами на четыре дюйма выше меня. Нанося быстрые и сильные удары, я вышибал из них дух, и мы дрались до тех пор, пока они не заливались кровью.

Точно так же я боролся с Богом, понимая, может быть, что мне придется сделать выбор.

Моя мама была нежной, доброй и благочестивой женщиной. Я любил ее и не хотел огорчать, но быть похожим на нее мне совсем не хотелось, потому что это требовало бы от меня хорошего и благочестивого поведения.

С другой стороны, если бы я пошел по стопам отца, то мог бы быть независимым и делать то, что мне нравится.

Пока у меня внутри шла эта битва, я изо всех сил старался походить на отца.

Я обожал его издали, принимая как должное его равнодушное ко мне отношение и формируя себя по его образу и подобию. Мои чувства к нему были смешанными и даже иногда противоречивыми. Не помню, чтобы когда-нибудь он подкинул меня вверх или крепко к себе прижал. Не помню, чтобы он обнимал меня или говорил, что любит меня.

Но мама меня любила и каждый день проявляла эту любовь. Только она утирала мои слезы и лечила раны. Когда я, возбужденный, приходил домой и рассказывал все те истории, которые любят рассказывать мальчишки, только она готова была выслушать меня. Должно быть, те проблемы, с которыми я сталкивался, тоже волновали ее.

Если я не дрался, то играл в шарики, и уж тогда никто не мог обыграть меня. Я мог попасть в шарик с расстоя-

ния в десять футов. Мое мастерство вскоре стало весьма прибыльным, потому что я выигрывал шарики у других детей, а затем возвращал их обратно за деньги.

Однажды утром я вышел из дому с коробкой шариков.

После победоносной игры меня остановил один мальчик и сказал:

— Давай поменяемся, за твои шарики я дам тебе ножик.

Я поменялся.

Другой увидел ножик и сказал:

— Давай поменяемся.

У него я выменял что-то еще.

К трем часам дня я вернулся домой с козлом и отличной маленькой тележкой.

— Где ты это взял? — спросил меня отец.

Я сказал:

— Я уже забыл адрес, но все я это выменял.

И тогда впервые в жизни папа одобрительно кивнул. На какой-то краткий миг я почувствовал, что он гордится мной.

Деньги доставались мне легко и без особого напряжения. По дороге домой из школы я покупал стофунтовый мешок с арахисом, жарил двадцать или тридцать фунтов, часто потряхивая, чтобы они получились хорошо и ровно обжаренными. Затем я заполнял жареными орехами небольшие мешки и шел на ближайшую мельницу, где продавал их по пять центов за мешок. Часто я приходил домой с долларом или двумя, а в то время не каждый мужчина мог заработать такие деньги.

Очень скоро у меня стало больше денег, чем у кого бы то ни было в нашем доме. Мои братья и сестры всегда приходили ко мне, если нуждались в деньгах. Я стал младшим банкиром в семье, но со всех и всегда я брал проценты.

Когда наступило лето, я перестал продавать арахис, а придумал новый способ добывания денег. Соорудив не-

большую тележку, я купил сто фунтов льда и некоторое количество густого сиропа — виноградного, ванильного и с другими вкусовыми добавками. Затем за пятьдесят центов в день я нанял маленького мальчика, который катил тележку, а я шел позади нее, звонил в колокольчик и кричал: «Прохладительные напитки!» К концу дня я возвращался домой с тремя-четырьмя долларами в кармане.

Еще подростком я понял, что если хочешь тратить деньги, сначала нужно заработать их. Мой отец ни разу в жизни не дал мне ни одного доллара, поэтому я понял, что если я хочу иметь деньги, мне придется их заработать самому. Кроме того, я чувствовал молчаливое одобрение отца по отношению к моему предпринимательству. Я не ждал, что он открыто начнет хвалить меня. Это было не в его характере.

На самом деле мы редко догадывались, о чем думает отец. Он стал открыто высказываться только тогда, когда в нашей церкви наступило пробуждение.

Однажды к нам пришел мамин пастор и сказал: «Сестра Самралл, нам негде устроить проповедника, который приезжает к нам в церковь. Вы не позволите этому евангелисту остановиться у вас? Ему нужна всего лишь одна комната, он придет с женой и детишками. Дети могут спать на полу».

Я думаю, все считали, что наш дом — наилучшее место для приезжих проповедников, потому что отец зарабатывал хорошие деньги и имел машину. Конечно, мама тоже хотела, чтобы гости останавливались у нас. Ей нравилось, когда к нам приезжали проповедники со своими семьями.

Иногда эти евангелисты с женами и тремя или четырьмя детьми жили в нашем доме по три месяца. Каждый вечер они проводили собрания, и люди стекались отовсюду, чтобы послушать их. Сотни людей принимали Христа своим Спасителем, в результате чего менялись целые общины. То было время пробуждения!

Папа сердился. «Эти проповедники всего лишь жулики и шарлатаны!» — бушевал он, и, когда мама не видела, я кивал в знак согласия. Отец считал, что если ты не потеешь, не куешь сталь или не пахешь поле, значит ты не работаешь.

В те дни евангелисты были очень бедными и не могли позволить себе остановиться в гостинице. Вот почему им приходилось жить в домах прихожан. Тогда я не мог понять, что эти проповедники действительно не могли разбогатеть. Но я верил всему, что говорил отец.

Очень часто папа возвращался домой и, обнаружив людей, сидевших в гостиной, взрывался:

— Кто это?

— Это евангелист. Он хочет благословить наш дом, — отвечала мама.

Отец начинал ругаться:

— Это же просто попрошайки, им лень работать, и поэтому они разъезжают, словно короли! Они могут только ходить с протянутой рукой и мешать жить другим людям.

Мне очень нравились такие сцены! Папины слова звучали вполне разумно, и я разглагольствовал подобным же образом, выражая, как и отец, недовольство тем, что мама приводила домой проповедников. Но иногда мне действительно было на что пожаловаться.

Наш обеденный стол был не настолько большим, чтобы собрать за ним одновременно гостей и нас, а потому мама сначала кормила евангелиста с его семьей. И после этой оравы чаще всего мне приходилось довольствоваться остатками. Конечно, все это мне очень не нравилось.

Они всегда занимали мою комнату, а меня укладывали на полу. Если евангелист вешал свои брюки на спинку кровати, я крал у него из кармана деньги, а потом шел и тратил их.

Однажды мы с другом позволили сыну пастора пойти вместе с нами купаться. Из-за зимних дождей наш ручей

вышел из берегов, и половодье действительно было довольно сильным, но мы все равно ныряли в мутный поток, демонстрируя друг перед другом свою смелость.

Я доплыл почти до середины потока, как вдруг сильное течение потащило меня под воду. Я боролся изо всех сил, но вода была холодной, а течение слишком сильным.

Помню, что я пытался удержать голову над водой, а пасторский сынок запаниковал: «Пошли домой! Ну мы и влипли! Он утонул!» И убежал, оставив моего друга одного искать меня в мутной и холодной воде. В конце концов ему удалось вытащить меня на берег.

Мой друг был в отчаянии. Я совсем не дышал, потому что легкие были заполнены водой. Каким-то образом он ухитрился ударами по спине выбить из моих легких грязь и воду. С хрипом и кашлем я снова вернулся в этот мир.

Пасторского сынка выпороли за то, что он ходил с нами купаться, а я поклялся никогда больше не дружить с этими неженками. С тех пор каждому ребенку проповедника, которому «посчастливилось» остановиться у нас, я создавал достаточно причин возненавидеть служение своего отца.

Конечно, бедным детям приходилось туго, поскольку они так и скитались, на несколько месяцев останавливаясь то в одной семье, то в другой. Тем не менее мне их совсем не было жаль.

Проповедникам и их семьям жилось в нашем доме несладко. Но вместо того, чтобы отвечать ненавистью на ненависть, они возводили глаза к небесам и молились: «Боже, помоги Лестеру. Боже, спаси Лестера».

Я же только хмыкал себе под нос: «Вы только уйдите из моего дома, а уж с Богом я как-нибудь полажу».

2

Как я впервые услышал голос Бога

Мне исполнилось десять лет, когда родился мой брат Арчи. Впервые в жизни я увидел отца с незнакомой мне стороны. За одну ночь мой огрубевший отец превратился в нежного великана, встретившего своего новорожденного сына с любовью и трепетом. Я страшно удивился, когда увидел, как он качает сына на руках и носит его по всему дому.

Папа учил Арчи ходить и даже позволял малышу сидеть рядом с ним за обеденным столом. Я пытался объяснить это себе, приводя самые различные доводы. «Ну, хорошо, — думал я, — в конце концов между мной и малышом большая разница в возрасте. Кроме того, Арчи обожает папу».

Но незадолго до своего второго дня рождения Арчи умер.

Отец не плакал, он просто застыл в каменном молчании. Даже на похоронах, где все плакали, папа не уронил ни слезинки. Но когда в тот день он пришел домой, то вдруг разрыдался и лег на пол, словно его сердце разрывалось на куски.

Затем он встал и сообщил нам, что Бог заговорил к нему и сказал: «Вернуть Арчи уже нельзя, но ты можешь однажды, после смерти, пойти туда же, куда ушел он. Тебе нужно принять решение».

В церкви папа поделился с собравшимися тем, что сказал ему Бог, и мама стала верить, что папа может обрести спасение. Но он не изменился, потому что не захотел подчинить свое сердце Господу.

Моя мама всегда была неутомимым молитвенным воином. С самого детства я видел, как все свои нужды и проблемы она несла к Богу и «трудилась» в искреннем поиске Бога в течение часов и даже дней, особенно когда в семье возникали трудности, неразрешимые с человеческой точки зрения.

После смерти Арчи она говорила: «Господи, Ты забрал у меня моего малыша, но дал мне мужа». Я не понимал, как она могла благодарить Бога за папу, когда ей было так трудно жить с ним. И все же я не раз слышал, как она просила Бога дать ей благодарность к мужу за все его хорошие качества. Она постилась и молилась за спасение мужа, но никогда не проповедовала ему. Именно со смертью Арчи Господь начал смягчать сердце моего отца.казалось, впервые из его ожесточенной души начал струиться тонкий лучик света.

Несмотря на мягкий характер, мама была борцом, духовным воином. Однажды ночью, когда она молилась, стоя на коленях, она оглянулась и увидела за спиной разъяренного льва. Что-то ей подсказало, что этот лев был олицетворением мятежного духа ее мужа и что ей нужно было победить его, чтобы она получила ответ на свои молитвы. Мама молилась, и демонический дух стал отступать. «Убирайся из этого дома!» — приказывала ему она до тех пор, пока он не вышел, пятясь, через дверь.

И хотя ответ на мамины молитвы о спасении отца долго не приходил, ее духовная борьба за детей стала приносить

плоды очень быстро. Будучи духовным лидером в семье, она постоянно вкладывала в нас понимание важности личной веры в Иисуса Христа и нашей ответственности за служение Ему.

Двое старших братьев, Хьюстон и Эрнст, начали проповедовать, когда им было по пятнадцать или шестнадцать лет. К тому времени, когда мне исполнилось одиннадцать, Эрнст учился в Центральном библейском колледже в Спрингфилде, штат Миссури.

Его успехи были настолько очевидными, что после окончания колледжа ему выдали палатку, пианино и скамейки, чтобы он мог проводить евангелизационные собрания. Он объездил весь штат Миссури и проводил собрания пробуждения. Но Эрнст был скорее учителем, чем евангелистом, а позже стал успешным пастором и осел близ города Мобил, штат Алабама.

Примерно в это же время с отцом произошел несчастный случай: когда он работал с раскаленной металлической заготовкой, осколок металла попал ему в глаз. Отец пролежал некоторое время в больнице, а потом его отправили домой, и в течение долгих недель он метался на постели, испытывая мучительные боли.

Поскольку папа больше не мог работать, жить стало тяжело. Деньги скоро кончились, а с ними и продукты. Но даже когда есть было нечего, мама говорила нам: «Давайте накроем на стол».

— Но, мама, в доме же нет никакой еды, — начинали мы жаловаться.

— Не говорите так, — отвечала мама, — скажите: Бог усмотрит.

Затем мама накрывала на стол и к каждой тарелке ставила стакан воды.

— А теперь сядем за стол и помолимся, и Бог подаст нам пищу.

У нее, казалось, всегда была дополнительная мера веры.

И действительно, где-то около двенадцати кто-нибудь приходил к нашим дверям и приносил корзину, полную горячей еды. Мама с благодарностью принимала дар и все выкладывала на стол.

Каждый раз она делала этот шаг веры, и каждый раз Бог вознаграждал ее веру. Кто-нибудь в нашей общине чувствовал сильное побуждение помочь нам: «Давайте-ка благословим Самраллов. У них болеет отец». Они не знали, что у нас не было ни денег, ни еды, но мама никогда не сомневалась, что Бог заговорит к сердцам Своих верных и восполнит все наши нужды.

Моя мама была великим ходатаем и проводила буквально целые часы, отгородившись от всего остального мира. В те дни люди на лето складывали зимнюю одежду и теплые одеяла в чулан. Но даже если мама была в доме одна и ей не нужно было ни от кого прятаться, она все равно запиралась в чулане, вставала там на колени и молилась.

Часто я возвращался из школы и громко звал ее.

— Что ты там делала? — спрашивал я ее, замечая слезы на глазах, когда она появлялась из чулана.

— Я молилась.

— О чем молилась?

— О, теперь все улажено, — говорила она с улыбкой, и на этом разговор заканчивался.

На самом деле я не задумывался над ее ответами, поскольку считал молитву и религию женским делом и слабостью. В то время я не осознавал, какой личностью была моя мама.

Женская молитвенная группа встречалась в нашем доме каждый день. Эти странные женщины носили длинные, до пола, платья с длинными рукавами и старомодными воротниками, доходившими до подбородка. Но когда они начинали молиться, то сотрясали небеса и преисподнюю. Еще в раннем возрасте я понял, что они знали, как вести духовные битвы.

В детстве я страдал пеллагрой: очень серьезной болезнью, которая возникает в связи с дефицитом никотиновой кислоты и протеина в продуктах. Сегодня эта болезнь в основном встречается в малоразвитых странах. Иногда моя кожа воспалялась так сильно, что я кричал от боли. Болезнь развилась настолько, что поразила пищеварительную систему и я не мог есть. Доктор сказал, что я умру.

Тогда женщины из молитвенной группы начали штурмовать небеса ради меня. После многодневных молитв и ходатайства Бог исцелил меня, и я начал быстро выздоравливать.

Моя вера в Бога, однако, оставалась поверхностной, несмотря на то, что мама водила меня на все церковные собрания — на вечерние по средам, на утренние и вечерние по воскресеньям, и иногда даже после обеда.

Проповедь пастора каждое воскресенье была посвящена одной теме — скорому пришествию Иисуса. Он мог говорить и о другом, но всегда возвращался к этому: «Скоро грядет Иисус!»

Затем проповедник заболел и умер.

«Иисус не успел вернуться», — посмеивался я про себя. Но у меня хватало ума не говорить такие вещи вслух при маме.

Следующий проповедник говорил о том же: «Мы живем в последние дни! Иисус скоро вернется!» Он тоже умер.

Затем появился третий и тоже стал проповедовать о скором возвращении Христа.

Я думал: «Эти проповедники просто обманщики — все говорят о „скором“ возвращении Иисуса».

Однажды воскресным вечером, когда я сидел на скамейке в церкви, ко мне заговорил Господь:

— Хочешь знать, когда Я приду?

— Да, — ответил я, слишком молодой, чтобы испугаться, услышав обращение Бога ко мне, — я все время об этом думаю.

Он сказал:

— Тогда Я скажу тебе. Об этом написано в Евангелии от Матфея (24:37): «Но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого». Ноею было пятьсот лет, когда Я повелел ему строить ковчег. Ему исполнилось шестьсот, когда он взошел в ковчег.

Затем Бог продолжил:

— Моя милость продлилась на сто лет.

Я заплакал.

Он сказал:

— Сто лет Я давал им возможность покаяться, но они не захотели. Поэтому их ждет суд.

Я спросил:

— В конце времен тоже так будет?

Господь сказал:

— Да.

— А когда начнется Твое пришествие? — дерзко спросил я.

Я подождал ответа, но ничего не услышал. Почему? Потому что Бог никогда не отвечает на глупые вопросы. Именно по этой причине Он не разговаривает со многими из нас.

Прошло много времени, прежде чем я вновь услышал Бога, однако это не значит, что Он не пытался привлечь к Себе мое внимание.

Однажды я шел по железнодорожным путям, а сверху, с горы, навстречу мне мчался товарный вагон, но я его не слышал. Мой старший брат увидел это и со всех ног бросился ко мне. Он не успел даже крикнуть, но только налетел на меня и столкнулся с путей. Мы оба упали в канаву, а вагон с грохотом пролетел мимо.

Он спас мне жизнь, но и на этот раз я не захотел задуматься, зачем я живу. Мне казалось, что я бессмертен.

Вскоре после того случая наша семья переехала в Панама-Сити, штат Флорида, где все местные дети, включая меня, жили практически на пляже. Они, как правило, ро-

сли в семьях рыбаков, и для них океан был родным домом. Иногда мы целые дни проводили в купальных костюмах.

Однажды я решил сделать плот и сказал ребятам, чтобы они тащили на берег все большие канистры в пятьдесят галлонов, какие смогут найти. Затем мы связали их вместе, а поверх уложили доски. На это ушло несколько часов. Наконец ребята столкнули плот на воду, и там я объявил:

— Это наша новая вышка для прыжков.

В этот момент один из ребят посмотрел на меня и сердито спросил:

— А кто поставил тебя начальником на ней?

— Я не начальник, — ответил я.

— Тогда почему ты с самого начала всем приказываешь?

— А вы вовсе не обязаны слушаться, — просто ответил я ему.

— И рады бы, да приходится слушаться.

Я даже не осознавал, что руководил этим проектом с самого начала и до конца.

— Ну и что? — спросил я самодовольно: мне понравилась мысль о том, что я приказываю людям и они мне повинуются.

В тот день во мне что-то произошло, и я почувствовал естественную способность вести за собой других людей. Моя мама тоже признавала во мне эти качества лидера, но ее взгляд на использование этих талантов отличался от того, что имел в виду я.

В своих молитвах мама видела меня исполняющим миссионерское служение, о котором когда-то мечтала сама. Сначала она думала, что эту мечту исполнит моя сестра Анна, которая говорила о своем стремлении нести Евангелие в Китай. Но мечты мамы снова развеялись дымкой, когда Анна послушалась Господа и вышла замуж за неверующего.

Смерть Анны в молодом возрасте тяжелым камнем легла на сердце мамы. Она твердо решила, что я буду повиноваться Божьему призыву, как это сделали мои старшие братья.

Но в моих планах не было места служению проповедника или миссионера. Я по-прежнему хотел походить на отца, несмотря на то, что ему, казалось, было все равно, чем я буду заниматься. Очень жаль, но я тогда не понимал, что благочестивая жизнь матери в большей степени заслуживала подражания, чем мятежный образ жизни отца.

Мама не была слабой христианкой. Она была намного более строгим воспитателем, чем отец. Она никогда не говорила: «Ну подожди, вот придет домой отец». Когда нам нужна была взбучка, она выдавала нам сполна, не обременяя отца нашими проблемами и наказанием проступков.

Мама вела дом и чаще всего сама принимала важные решения по хозяйству. Когда папа получал зарплату, она клала деньги в банк и оплачивала все счета.

Будучи сердцем нашей семьи, мама также осуществляла духовное руководство нами, детьми. Она упорно и настойчиво каждый день давала нам задание по Библии. Если мы запоминали все названия книг Библии или же выучивали наизусть Двадцать второй псалом, имена апостолов или же судей Израилевых, она давала нам призы. Почему-то это изучение Библии не оставило в моем сердце никаких следов, может быть, потому, что я не пускал эту информацию в сердце.

Хотел я или нет, но мама продолжала водить меня на служения духовного пробуждения, где я сидел, низко опустив голову, отказываясь слушать или петь. Сердясь за то, что не могу играть с ребятами, я дремал на жесткой скамейке, в то время как проповедник монотонно бубнил и бубнил до позднего вечера.

И даже настоящие чудеса исцеления не производили на меня никакого впечатления. Однако произошел один

случай, который я никогда не смогу забыть. У моей матери на груди появилась открытая и кровоточащая раковая опухоль. В те дни врачи умели лечить рак единственным способом — они отрезали грудь. Маме сказали: «Даже если мы сделаем операцию, то не сможем добраться до ракового очага, и он опять распространится. Дайте нам знать о вашем решении». Не зная, как поступить, мама делала то, что умела делать лучше всего. Она стала молиться.

Однажды она уже легла спать, и вдруг, лежа в постели, она увидела, как в ее комнату вошел Иисус. Он ничего не сказал, а просто прикоснулся к ней и улыбнулся.

На следующее утро мама сообщила нам:

— Я исцелилась от рака. Вчера ночью ко мне приходил Иисус.

Мой отец только ухмыльнулся. Однако через три или четыре дня он спросил ее:

— Ты уже несколько дней ничего не говоришь о раке. Когда пойдешь к врачу?

— Мне назначили перевязку на завтра, — ответила мама. — Но я сама сделаю перевязку. Я уверена, врач не будет возражать.

Когда в своей комнате она сняла повязку, то на марлевой ткани увидела нечто напоминающее маленького спрута: от центра отходили раковые усики, похожие на проволоку. Затем она посмотрела на себя в зеркало и вместо раны на груди увидела новую, нежную, как у новорожденного, кожу, которая покрыла зияющую рану.

Когда она показала отцу на марле ракового спрута, он не мог отрицать того, что произошло. Она восторженно рассказывала об этом нам, детям, а потом в церкви, а также любому, кто готов был слушать. Она прожила еще срок пять лет, пользуясь каждой возможностью свидетельствовать о Божьей чудотворной силе и благодати.

Даже мой старый дедушка, расист и ветеран Гражданской войны, не был обойден мамиными молитвами. После

того как он овдовел и с ним случился удар, он уже не мог жить один. Его перевезли к нам. Он не мог ни есть, ни одеваться сам, и моя мама стала за ним ухаживать. Она взялась заботиться о нем наилучшим из известных ей способов — она собирала у себя молитвенную группу.

Мой дедушка совсем не был христианином. Я вообще считал его даже злокой. Его сгорбившаяся фигура в инвалидной коляске напоминала мне сцены из раннего детства. Тогда он был одет в выцветшую форму конфедерата. Помню, как он стоял у порога и так, чтобы мы, дети, слышали, выплевывал всю свою ненависть к янки и всем чернокожим, живущим на земле. Даже теперь, будучи глубоким стариком, он лелеял в себе эту болезненную ненависть, которую невозможно было ничем удовлетворить.

Но и женскую молитвенную группу невозможно было ничем ни испугать, ни удержать. Однажды все восемь или десять женщин встали вокруг его инвалидного кресла и спросили:

— Мистер Чандлер, вы верите в Бога?

— Да.

— Вы верите в Иисуса?

— Да.

— Вы верите в исцеления?

— Да.

— Тогда отдайте свое сердце Иисусу.

Они повели его в молитве покаяния, а потом стали молиться за него. И прямо там, посреди комнаты, сила Божья сошла на старика. Дух Господа коснулся его и пронзил все его тело.

И дед встал из инвалидной коляски, причем раньше он не мог сделать и шага, и начал ходить. Его руки, превратившиеся в сухие палки, стали двигаться. Вот так! Он исцелился!

Скоро он вернулся к себе домой и в течение последующих пятнадцати лет сам себе готовил и следил за домом.

Раз в неделю к нему приходила женщина, которая делала уборку в доме, но все остальное он делал сам.

Однажды я был у него в гостях, и дедушка отправился спать в обычное для него время, в восемь часов. Мы с братом сидели в другой комнате, когда вдруг услышали какой-то шум. Мы пошли посмотреть, в чем дело, но было слишком поздно. Он уже умер. Без боли, без проблем со здоровьем он быстро и тихо покинул этот мир.

В ту ночь я не мог не вспомнить день, когда по приглашению мамы вся женская молитвенная группа пришла навестить дедушку. Я видел, как мой старый и мятежный дед, который не мог ни ходить, ни есть самостоятельно, получил полное исцеление и был восстановлен. Это произвело на меня сильное впечатление и поселило в моем сердце веру. Но этого впечатления было недостаточно.

Я оставался нечестивцем.

Став взрослее, я продолжал упрямяться, начал курить и в шестнадцать лет бросил школу. Мои друзья были не лучше. Много раз мама грозилась отправить меня в исправительную колонию, если я не перестану красть и вести нечестивый образ жизни. Несколько моих друзей уже погибли при попытке ограбления магазинов, при производстве самогона либо в перестрелке с полицией. Некоторые из них нашли смерть в разборках между собой.

Но мне казалось, что я бессмертен.

Я не собирался превращаться в слабака, как эти женщины из молитвенной группы. Я был настоящим мужчиной, как мой отец.